

Сто ролей Войцеха Семьона

Впервые я увидел Войцеха Семьона много лет назад. Известный польский драматург Ежи Юрандот и его жена, писательница Стефания Гродзенская пригласили меня в поэтическое кабаре «Под эгидой», расположенное в одном из старых полу-подвалов в самом центре Варшавы. Неяркое освещение, простые, но со вкусом выполненные витражи и панно, маленькие столики, «прижимающиеся» друг к другу и разделенные двумя-тремя удобными креслами, — все это помогало создать уютную, почти домашнюю атмосферу, в которой малознакомые люди сразу же чувствовали себя непринужденно, естественно, весело. Классический джаз сменили студенты театральных вузов — исполнители народных и характерных песен и баллад под гитару, чтецы собственных памфлетов и фельетонов с четко обозначенной современной тематикой... Их выступления сопровождали негромкий разговор посетителей, короткие озорные реплики, вызывающие смех, но несколько не смущавшие выступающих. Когда объявили Войцеха Семьона, разговоры сразу смолкли, все повернулись к сцене, как будто в ожидании чего-то загадочного, неповторимого. Войцех Семьон читал стихи о любви. Читал классику. Просто, естественно и в то же время необыкновенно, когда художественные образы, рожденные гением, вдруг обре-

тают зримую окраску, и слушатель ощущает свою собственную сопричастность к великой поэзии, и многократно, с детских лет слышанные строчки совершенно неожиданно раскрываются в своей первозданной глубине и силе. К тому времени Войцех Семьон уже был известный актер кино, с блеском сыгравший целый ряд ярких, гротесковых ролей в фильмах Анджея Мунка — одного из талантливейших режиссеров польского кинематографа второй половины пятидесятых, сумевшего в своих лучших картинах показать величие и трагизм простого человека на войне, обнажить человеконенавистническую сущность нацизма, несущего смерть и разрушение. По-видимому, Анджей Мунк первым сумел разглядеть в начинающем молодом актере тот значительный, весомый талант, который с особой силой раскрылся в Войцехе Семьоне уже позже, в шестидесятых — семидесятых. Почти сто ролей сыграл актер за это время на экране. Не все они были одинаково удачными, равнозначными по своему художественному выражению и воплощению (да и, откровенно говоря, при такой «массовости» этого трудно требовать), но одно

бесспорно: в таких весомых картинах, как «Краски войны», «Закаленные в огне», «Последние залпы», «Свидетельство рождения», Войцеху Семьону удалось создать запоминающиеся образы партизан и солдат, воинов — интернационалистов, самоотверженных, удалых, надежных, неизменно готовых к подвигу. И всякий раз (уж тут, кажется, неисчерпаема актерская палитра) в человеческой сущности очень разных, непохожих, со своими неповторимыми людскими качествами. Мы беседуем с Войцехом Семьоном почти двадцать лет спустя после нашей первой встречи в варшавском поэтическом кабаре (тогда нам удалось обменяться несколькими ничем не значащими фразами, теперь времени больше). — Почему я стал актером? — повторяет Войцех Семьон мой вопрос. — Наверное, потому, что мечтал во время войны (а я партизанил) рассказать людям о своих товарищах, таких же молодых, как я, которые не дожили до победы. В этом смысле мне в польском кино многое удалось сделать. Хотелось бы сыграть и в советском фильме о войне, правдиво и художественно убедительно рас-

сказать о нашей совместной борьбе... — Так случилось, что творчество выдающихся советских писателей, поэтов, артистов занимает в моей жизни особое место. Мне почастилилось встречаться с Ахматовой, Эренбургом, Твардовским, Тихоновым. Я читал с эстрады их стихи и поэмы, и каждая такая встреча помогла мне находить свое художническое решение во время работы над сценическим воплощением этих произведений, идти к своеобразному Театру поэзии, который мне удалось создать — «Стара прохownя» и который теперь пользуется успехом у варшавян. — Вы сказали Театр поэзии, но я ведь помню вас актером театра «Народовы» — вы приезжали в составе его труппы к нам в Москву? — Да, конечно, вы не ошиблись. Я много играл на сцене этого варшавского театра, но в душе всегда мечтал о собственном театре, именно Театре поэзии. Мне кажется, что общение актера один на один со зрителем еще недостаточно оценено, что у такой формы — моноспектакля — огромные возможности. Сейчас в «Старой прохowne» работаю над спектаклем «Союз друзей» (по мотивам сти-

хов моего давнего и доброго друга Булата Окуджавы), с помощью ленинградских художников собираюсь поставить «Клопа» Владимира Маяковского, всегда читаю с удовольствием стихи еще одного моего московского друга, поэта Давида Самойлова — участника боев за освобождение Польши... Как видите, так складывается моя жизнь, что «ни дня без поэтической строчки». К тому же роли в кино, на телевидении, обширная преподавательская деятельность — воспитываю молодых актеров, стараюсь научить их тому, что познал сам, полнее раскрыть их собственную индивидуальность... — Пожалуйста, несколько слов о ваших учениках. — Надеюсь, что советские зрители в скором времени сами увидят их и в фильмах, на экранах кинотеатров, и на телеэкранах, и в спектаклях: Михал Байор, Агнешка Фатыга, Кристина Янда — надежда современного польского искусства. Каждый из них со своим неповторимым «актерским нервом». Это, повторяю, главное. Помню, как в начале пятидесятых годов мне почастилилось беседовать с моим любимым актером Николаем Константиновичем Черкасо-

вым (я и теперь не перестаю восхищаться его потрясающим дарованием, его удивительной глубиной и своеобразием). Так вот, Черкасов сказал мне тогда: «Чтобы добиться высот в искусстве, необходимы счастье (наверное, в смысле «везения»), талант и работоспособность». То есть постоянная, напряженная черновая работа. Этому я и учу своих учеников. Легких путей и в жизни, и в искусстве не бывает. Мы еще долго беседуем с Войцехом Семьоном — он говорит о современной гражданской песне (ведь артист — лауреат фестиваля солдатской песни в Колобжеге), снова делится своей мечтой сыграть в советских фильмах и спектаклях. «Результаты нашего сотрудничества, — проносит он, — должны быть конкретны. Наши фильмы и спектакли должны воспитывать в людях светлые, благородные чувства, высокую духовность, жизненную активность, бескомпромиссность в отстаивании своих идеологических позиций, интернационализм». Александр ЖИГАРЕВ, член центрального правления Общества советско-польской дружбы.

21 APR 1987

ОБЩЕСТВО КИСТА
Г. Москва